

Сумерки богинь

Концерты Ирины Архиповой в Кремле и Елены Образцовой в Колонном зале

Сама мысль объединить в одной статье творчество Ирины Архиповой и Елены Образцовой покажется многим кощунственной. Две величайшие русские певицы всю жизнь держатся друг от друга подальше. Карьера тоже разводила их далеко, несмотря на то что много лет на сцене существовал негласный спор: две русские примадонны нашего времени, словно отрицающие сам факт всеобщего главенства сопрано, пели один репертуар. Они всегда шли разными путями, каждая по-своему добивалась места на вершине оперного Олимпа.

Архипова принадлежит к поколению певцов, покинувших сцену лет пятнадцать назад, как ее “подружка” Галина Вишневская. Образцова пела с теми звездами, которые сейчас постепенно «закругляются» (Френи, Скотто, Риччарелли). Холодную и академичную Архипову всегда можно было узнать по идеальному голосу, который заменял и заменяет ей актерскую природу. Порывистая, страстная и всегда убедительная на сцене Образцова умела поставить недостатки своего «диапазонистого» вокала на службу образу.

Архипова была певицей русской, ее международное признание связано с родным репертуаром. Театры «большой четверки», как называют ведущие сцены мира, прибегали к ее услугам лишь трижды: два раза эти были громады Мусоргского в «Ла Скала» и только единожды — «Трубадур» Верди в «Ковент-Гарден». Итальянский репертуар, Кармен она пела, как все русские певцы прошлых поколений: ее героини были русскими женщинами. (И то, что сорок лет назад Марио Дель Монако назвал ее лучшей Кармен, ведь ничего не значит. Послушайте записи того спектакля в Большом или «Дон Карлос» с «Аидой». Поют-то по-русски! И дело не в отсутствии итальянских слов.) Образцовой же покорились все знаменитые площадки мира, где она пела, как лучшие итальянские примадонны в операх Верди, Масканьи, Беллини и Доницетти, тонко понимая стилистику истинного бельканто. Не скажу, что мне нравятся ее Кармен и Далила, но ведь пела же она эти партии и в «Мет», и в Вене.

Обе певицы в равной степени успешно обращались и к камерному репертуару. Архипова в последние десятилетия отдалась ему целиком, Образцова же всегда умело сочетала камерное исполнение с театральными работами. Ее успехи в немецкой камерной музыке кажутся почти неральным исключением на фоне всеобщих тенденций русского камерного

исполнительства. И в романсах они были разными – Архиповой всегда больше удавался русский импрессионизм Рахманинова, а Образцова главенствовала в открытых душевных порывах Чайковского.

Невстроившаяся в жесткую систему оперного бизнеса, как и другие певцы ее поколения, Архипова стала больше времени уделять общественной жизни. Образцова же один за другим растеряла приглашения в «Скала» и «Мет», гастролирует по провинциальной Испании и обожающим всякую европейскую культуру без разбору азиатским странам. И теперь сама судьба, кажется, уравнила их. Именно поэтому я, рискуя навлечь на себя гнев многочисленных поклонников с обеих сторон, пишу о концертах по-прежнему величайших оперных певиц русской сцены вместе. Но кого же пропустить вперед?

Придется отдать предпочтение Архиповой, первой давшей концерт в рамках проводимого Фондом культуры цикла «Звезды в Кремле» в Грановитой палате. Мысль написать рецензию на концерт Архиповой возникла у меня еще два месяца назад, после ее концерта в Колонном зале. Получился фельетон, который я без жалости выбросил в мусорную корзину. Затем были дуэты Чайковского с Натальей Дацко в БЗК и соло в Грановитой, которое организаторы фестиваля превратили

заранее в событие историческое благодаря богатому антуражу. Ее поклонники любят говорить – «зато Архипова поет уже 40 лет». Но слушатель не виноват в этом. И если через десятки лет певица поет для него голосом, уже «лишенным приятности», то это ее вина, а не беда. Вот почему Мария Каллас не пела 20 лет, хотя и имела приглашения. Она хотела вернуться на сцену в своих коронных партиях Нормы и Виолетты или не вернуться вовсе. Вот почему никогда не приедет в Россию Владимир Атлантов, понимающий, что его вокальная форма уже далека от совершенства, а зачем же собственными руками (или голосом) разрушать в сердцах зрителей память о былых триумфах?

Архипова давно поет в залах, заполненных наполовину самыми крепкими поклонниками. Даже во время элитарного действа в Кремле пустующие стулья выглядели как насмешка. Зато в тысяч-

ный раз можно услышать славословия в свой адрес, заверения в преданности ее былым заслугам, обхватить охапку шелестящих бесцеремонной фольгой букетов и насладиться своим царственным выходом через золотые ворота княжеских палат. Самое удачное из того, что я слышал в исполнении Архиповой за последнее время, было первое отделение концерта в Кремле. Духовная музыка Бортнянского и Чеснокова с мужским хором «Православные певчие» напомнила о былых временах, когда «первая леди» русской оперы радовала не только жителей русской провинции. Желание петь, которое для певцов сродни болезни, должно нормироваться тщательно, как диета или лекарства. Редкие, но значительные выступления в той же Грановитой, могли бы только послужить для дела дальнейшего процветания славы певицы, в то время как частые мелькания только отбивают желание у истинных ценителей слышать и видеть Архипову.

Второе отделение с участием посредственного Президентского оркестра (главный дирижер — Павел Овсянников) уничтожило это светлое впечатление. Исполнение двух арий из кантаты Чайковского «Москва» требует идеальной вокализации, особенно в переходах от почти сопранового звучания к бархатным контральтовым «низам». И не поможет даже классная артикуляция, когда певица может похвастаться лишь несколькими сохранившимися нотами среднего регистра. (Выхолощенный «красными» текст кантаты сегодня как-то особенно режет слух.) То же относится и к варяжской балладе из «Рогнеды» Серова, в которой необходима еще и мощь: в седьмом ряду уже не было слышно ничего, кроме плотных оркестровых пассажей, которые Архиповой так и не удалось прорвать.

Многолетний опыт помогает, правда, певице доводить зал до экстаза с помощью всевозможных «народных вариаций». Песня Ильиничны из музыки Глинки к «Князю Холмскому» и третья песня Леля из «Снегурочки» в исполнении Архиповой все равно звучат невыразительно. Как не вспомнить тут Образцову, которая в песне Леля всегда мастерски передаст нарастание кульминационных припевов, а простенькие «лель, мой, лель» в финале заставляют сердца слушателей сладко замирать. Но театр Ирины Архиповой – ее голос. Нет голоса – нет и театра. Русские народные песни, старинные романсы, которые она пела в декабре в Колонном зале, вообще не вяжутся с ее академическим пением и царственным

обликом.

Концерт Образцовой в Колонном зале тоже проходил не в забитом до отказа зале. Публику можно понять: после многочисленных программ, впечатлявших широтой и размахом в той же мере, что и тщательностью отбора произведений, несколько последних лет Образцова «гоняет» одно и то же ассорти из шлягерных романсов и арий. В первом отделении несколько романсов Чайковского вперемешку с ариями из опер Массне, Бизе и Сен-Санса, во втором — романсы Рахманинова, прослоенные «сантуццами». На закуску еще и старинные романсы.

Казалось бы, певицу больше не ангажируют ведущие театры, самое время – заняться составлением новых концертных программ. Мир звезд – жесток и требователен, а за его пределами то и дело тянет на «вольные хлеба». Где обещанная уже в нескольких интервью лет пять назад программа из произведений Габриеля Форе? Боюсь, никогда мы ее не услышим. Да и нужен ли малопонятный Форе публике, которая заполняет теперь зал на концертах Образцовой. Вот Кармен заводит всех. Но примадонна уже просто не вытягивает эту партию. Захлебывается в сегидилье, выдает непонятную ноту в финале хабанеры, а выхолощенный, однообразный звук пытается исправить с помощью своих открытых «низов», которым раньше находилось лучшее применение. За деньги люди хотят получать удовольствие, а не вникать, почему ария Далилы, скорее, напоминает езду по ухабам, а в «слезах» вертеровской Шарлотты утопаешь, как в сладком сиропе. Рядом звучат романсы «То было раннею весной» и «Средь шумного бала» Чайковского или «Сирень» и «Все отнял у меня» Рахманинова, в которых мы опять слышим гениальный дуэт Образцова – Чачава. К слову сказать, Важа Чачава – единственный на земле человек, сумевший объединить двух богинь русской сцены у своего рояля, – не потерял за эти годы ничего из своего богатого репертуара и первоклассной техники благодаря невероятным требовательности к себе и трудолюбию.

На этот раз Образцовой не удалась сцена Графини из «Пиковой дамы», а ведь некогда она была без преувеличения лучшей Графиней всех времен и народов. На этот раз в ее Графине не было «потустороннего»: болезненная старушка почти проговаривала на хорошем французском набор титулов и фамилий. То же самое можно ска-

зять и про другую коронную партию – Сантуццу из «Сельской чести» Масканьи, после исполнения которой в «Ла Скала» Образцову сами итальянцы признали лучшей Сантуццей нашего времени. Теперь же ей приходится размахивать руками, помогать всем телом при исполнении знаменитого романса, при этом позволяя себе даже «рвануть страсть». Как уже понял читатель, у Образцовой те же проблемы вокальной фирмы, не соотнесенной с подбором репертуара.

Но хочу напомнить читателю, что никому из русских певиц следующих поколений все равно не удалось приблизиться к их высотам. Так что это не мрак, а лишь сумерки богинь. Мрак наступит с их уходом.

Вадим Журавлев, «Независимая газета» 21 февраля 1995 года